

В.И. Кудашов

НЕЙРОЛОГИЯ И КОМПЬЮТЕРНАЯ МЕТАФОРА В ИССЛЕДОВАНИИ РЕЛИГИИ

Первоначально религиоведение занималось сравнительным анализом различных религий. Но по мере развития других дисциплин (психология, психиатрия, психоанализ, социология, герменевтика и т. д.) возникли новые направления религиоведения – социология религии, психология религии, философия религии. Однако в связи с ускоренным развитием и возникновением новых дисциплин (например, кибернетика, синергетика, психофармакология), предпринимаются новые истолкования религиозного феномена с использованием последних научных моделей. Так, на Западе возникло целое научное направление, занимающееся исследованием религиозного опыта в связи с процессами, происходящими в теле человека, в особенности связанными с сердечно-сосудистой системой и мозгом. Ученые, которые пытаются понять, как ведет себя нервная система во время глубоких религиозных переживаний, даже окрестили такое направление науки «нейротеологией».

В отечественном религиоведении пока практически не освещалась роль центральной нервной системы (ЦНС) в религиозном опыте, если, конечно, не считать некоторых тенденциозных толкований данного вопроса. Использование данных нейрологии (нейропсихологии, нейрофизиологии, нейробиологии и т. д.), этологии, психофармакологии, электрофизиологии позволяет по-новому взглянуть на религиозные феномены, такие, например, как шаманские посвящения и способы вхождения в транс, мистерии и ритуалы перехода, йогические практики и другие психотехники. В отечественном религиоведении серьезный анализ религиозного опыта как особой психологической реальности был осуществлен в монографии Е.А. Торчинова «Религии мира. Опыт запредельного», где религиозные феномены были классифицированы в соответствии с выделенными С. Грофом базовыми перинатальными матрицами. Акцент делался именно на психологической стороне религиозного опыта.

В данной работе религиозный опыт понимается, согласно Е.А. Торчинову, как «переживания и состояния сознания, которые обычно относятся религиоведением к области мистики и которые являются объектом достаточно пристального внимания со стороны представителей глубинной психологии, прежде всего К.Г. Юнга и трансперсональных психологов» (5, с.12). Представляется важным выяснить, какое отношение к религиозному опыту имеет человеческий мозг и что могут дать результаты объективных методов исследования субъективных переживаний для анализа религиоз-

ного опыта? Термин «объективный» следует понимать, как относящийся к объектам исследования естественно-научными методами, в отличие от субъективного философского метода, в котором, например, мышление постигается средствами самого процесса мышления, хотя и в том, и в другом случае мы имеем дело с субъективным восприятием в том смысле, что любой опыт, в том числе и научный, дан нам в нашем восприятии.

Религиоведение и нейрология в России продолжают жить параллельно и в целом предпочитают не сталкиваться между собой, хотя следует отметить, что нейронаука уже делает определенные попытки изучения религиозных феноменов. Об этом, например, свидетельствуют эксперименты и исследования, проводимые в Институте мозга человека РАН, где проводится изучение мозговой физиологической организации мышления, эмоций, творчества и сознания. Для регистрации и анализа физиологических процессов в мозге и их корреляции с психическими процессами используется специально разработанный комплекс аппаратно-программных средств. Но, к сожалению, ученым, занимающимся естественнонаучными исследованиями, зачастую недостает знаний в области религиоведения, что приводит к односторонним, а порой и к неверным истолкованиям получаемых ими результатов. Религиоведы же, неискушенные в премудростях нейрологии, в основном, предпочитают игнорировать проблему «Мозг и религиозный опыт». Цель данной работы как раз и состоит в попытке обоснования подхода, преодолевающего дистанцию между гуманитарным и естественнонаучным подходом в разрешении проблемы религиозного сознания.

Отметим, что сама по себе тема функционирования мозга и его связи с сознанием на сегодняшний день таит в себе массу белых пятен. В настоящее время человек остается для себя самой большой загадкой. Человек на протяжении своей сознательной истории неоднократно предпринимал попытки самоосвоения, стараясь определить себя в бытии или, напротив, разрушить эти пределы. Конечно, можно изучать мозг лишь как некое физическое явление в ряду других физических явлений. С другой стороны, можно игнорировать роль мозга в процессе формирования опыта, чувств и мышления. Можно пускаться в пространные рассуждения о природе сущего, не обращая внимания на то, что сама речь, мышление и чувства тесно связаны с функционированием головного мозга. Но если все же попытаться интегрировать знания гуманитарных и естественнонаучных наук, проанализировать имеющиеся данные, возможно, многое откроется в другом свете. В данной работе выражено стремление наметить такой интегральный подход к изучению человека в его религиозных состояниях и разобраться, какое к этому имеет отношение совершеннейшее из известных нам творений природы – человеческий мозг. Такой подход в изучении религиозного феномена с привлечением достижений нейрологии можно назвать нейрологическим.

Каждая эпоха имеет свои метафоры и аналогии. Если во времена Галена главным достижением своего времени был водопровод и канализация, то и мозг, как полагал Гален, функционирует как система каналов и его основная функция выполняется не веществом, а заполненными жидкостью полостями, известными в настоящее время как система мозговых желудочков, наполненных церебральной жидкостью. XVII век принес новую научную метафору – часовой механизм и оптический прибор. Новые открытия связывались с механистической моделью Вселенной, основанной на работах Ньютона и Декарта. Отсюда и анализ мозга по аналогии с хорошо отлаженным механизмом. Открытие электричества и свойств газов влекло за собой новые аналогии. Возникла теория «баллонистов», согласно которой, нервы представляют собой полые трубки, по которым проходят потоки газов, возбуждающих мышцы, и теория «электрических флюидов», породившая немало мифов о том, что электричество может оживить мертвеца.

В настоящее время, наверное, самая распространенная модель и научная метафора мозга – компьютер. Известно, что для работы компьютера необходимы аппаратное обеспечение (процессор, монитор, клавиатура, дисководы и т. д.) и программное обеспечение (т. е. собственно программы). В целом же аппаратное обеспечение – это материальная форма, целесообразно организованная материя, а в биологическом аспекте – структура тела: органы восприятия, исполнительные органы и мозг. Структура тела является условием программного обеспечения. А программное обеспечение в этом контексте – условные и безусловные рефлексы, поведенческие комплексы, позволяющие реализовать биологические цели, т. е. выживание. Та или иная программа может быть запущена только при наличии адекватного аппаратного обеспечения. Например, членораздельная речь возможна лишь при наличии соответствующего голосового аппарата, рассудочное мышление – при соответствующем строении мозга. Такая модель позволяет наглядно увидеть связь между материальным носителем (нервной системой) и идеальными основаниями (программами биокомпьютера) психической деятельности человека.

Еще в 1967 году нейрофизиолог Джон Лилли в своей работе «Программирование и метапрограммирование человеческого биокомпьютера» (3) совместил свои исследования нейрофизиологии коры головного мозга с идеями проектирования компьютеров. Программа – по определению Лилли – это набор внутренне совместимых инструкций по обработке сигналов, формированию информации, запоминанию тех и других, подготовке сообщений; она требует использования логических процессов, процессов выборки и адреса хранения. Некоторые из программ были унаследованы нами от наших животных предков – простейших одноклеточных, губок, кораллов, червей, рептилий и т. д. В базовых формах жизни программы передавались через генетические коды. Паттерны функций типа стимул-

реакция определялись необходимостью приспособления к изменениям среды, чтобы выжить и передать генетический код потомкам. По мере увеличения размеров и сложности нервной системы возникли новые уровни программирования, не всегда непосредственно связанные с целями выживания. Встроенные программы лежат в основании этих новых уровней и находятся под контролем более высокого порядка.

Помимо программ разной степени сложности, биокомпьютер человека оснащен также и метапрограммами, которые являются набором инструкций, описания и средств контроля программ. Метапрограммирование является операцией, в которой центральная система управляет сотнями тысяч программ, работающих параллельно и последовательно. «Я» человека, по Лилли, представляет собой контролирующий центр, управляющий тысячами метапрограмм. Большинство людей имеет множество таких контролирующих центров, которые часто конфликтуют друг с другом. Поэтому одна из целей саморазвития, считал Лилли, – обнаружение таких конфликтующих «я» и подчинение их одному «администратору». Вполне логично напрашивается дальнейшая экстраполяция этой модели на весь Универсум. Если метапрограммами управляет некая контролирующая программа, а совокупность таких контролирующих программ подчиняется еще одной надпрограмме и т. д., то, в конце концов, все программы подчиняются единой суперпрограмме – универсальному СверхЯ, или Богу. Такой подход возвращает к воззрениям Аристотеля, согласно которому, Бог – форма форм, абсолютная идея. В дальнейшем эту идею в различных модификациях можно встретить в философии неоплатоников, Спинозы, Шеллинга и Гегеля.

Такое понимание Универсума было вполне логичным в модели Лилли, но все же схематическое, «формальное» видение мира тяготило ученого. И в конечном итоге благодаря йоге Патанджали Лилли пришел к выводу, что для достижения единения с Абсолютом необходимо отбросить как «программирующего», так и «программу». Вот что он пишет о своем новом понимании: «Новая, более тотальная медитация проходила следующим образом: «Мой мозг – гигантский биокомпьютер. Я сам – метапрограммист в этом биокомпьютере. Мозг расположен в теле. Ум – средство программирования в биокомпьютере». Это основные положения, использованные в «Человеческом биокомпьютере». Ключом к медитации было: «Кто я?», ответ: «Я не есть мое тело, я не есть мой мозг, я – не мой ум, я – не мое мнение». Позднее это было расширено до более действенной, несущей энергию медитации из пяти частей: «Я не биокомпьютер. Я не программист, я не программирование, я не запрограммированное, я не программа». Когда медитация прогрессировала до последнего пункта, я неожиданно оказался способным разорвать связи с биокомпьютером, с программистом, с программированием, с запрограммированным, и вспять, в стороне – в стороне от ума, мозга, тела, – наблюдать, как они работают и существуют отдельно

от меня. Таким образом, для меня Патанджали был расширен и переведен в более современную терминологию. Старый «наблюдатель» был частью программиста, «старое наблюдение» было одной программой из серии программ. Существовало некоторое частичное совпадение между концепциями, но новая концепция была значительно шире старой» (4, с. 97).

Итак, если «духовное» отрицается или выносится за скобки, это ведет к низведению Абсолюта до гигантской суперсистемы, в которой человек играет роль микроскопического бездушного элемента. Вместе с тем, если ясно различать «духовное» и «идеальное», тогда рабочая метафора, в которой моделью мозга служит компьютер, может принести множество полезных выводов, применимых на практике. Зная принцип работы мозга, можно оказывать на него воздействие с целью просмотра данных, содержащихся в памяти; становятся понятными механизмы программирования и метапрограммирования. О том, что компьютерная метафора мозга может служить хорошей рабочей моделью для практического применения, свидетельствуют, к примеру, успехи нейролингвистического программирования в бизнесе, государственном управлении, спорте и т. д. Сама идея НЛП зародилась в начале 1970-х годов благодаря усилиям лингвиста Дж. Гриндера и математика, психотерапевта и специалиста в области компьютеров Р. Бэнндлера, которые изучали методы эффективного изменения поведения человека.

Примерно в это же время начал активно использоваться принцип биоэлектрической активности мозга для изучения корреляции волн мозга с мистическими и измененными состояниями сознания. На основе этого принципа даже возникло научное направление, получившее название «биофидбек» (дословно – биологическая обратная связь). Метод биофидбека использует электронную аппаратуру для контроля за физиологической активностью организма человека: биоэлектрической активностью мозга (ЭЭГ), электрического сопротивления кожи (ЭСК), температуры тела и напряжения мышц. Благодаря принципу обратной связи функции различных органов тела и режим деятельности мозга, которые до этого считались произвольными, оказываются подчиненными воле человека. Это открывает огромные возможности для самопознания, раскрытия внутреннего потенциала и овладения техникой саморегуляции. Например, доктор Джой Камайя с помощью электроэнцефалографа научился контролировать альфа-волны мозга. Его устройство издавало приятный звуковой сигнал всякий раз, когда испытуемый достигал альфа-уровня, поощряя тем самым находиться в таком состоянии (2, с. 147).

Невилл Друри назвал биофидбек технологическим путем к самопознанию. Исследования связи активности мозга с состоянием глубокого религиозного опыта ведутся по сей день. В настоящее время можно говорить о том, что в периоды глубокого религиозного опыта (медитации, молитвы)

деятельность мозга претерпевает специфические изменения – одни зоны головного мозга снижают свою активность, а другие, напротив, резко активизируются. Эндрю Ньюберг, нейробиолог из Пенсильванского университета в Филадельфии, который занимается нейробиологией религии уже более десяти лет, через коллегу, увлекающегося тибетским буддизмом, нашел восемь опытных медитаторов, которые приняли участие в необычном эксперименте. В результате сканирования с помощью однофотонной эмиссионной компьютерной томографии головного мозга испытуемых, которые в течение часа занимались усиленной медитацией, ученые обнаружили повышение активности областей мозга, регулирующих внимание, чего требовала особая сосредоточенность во время медитации. Однако во время медитации верхняя задняя часть теменной доли головного мозга была гораздо менее активна, чем когда испытуемые просто сидели и отдыхали.

Иначе говоря, эта область в левом полушарии мозга отвечает за осознание человеком собственной индивидуальности и за представление об образе собственного тела. Правое полушарие отвечает за ощущение времени и пространства, в котором пребывает тело. Усиливая во время медитации ощущение единства с окружающим миром, испытуемые постепенно блокировали каналы связи между этими двумя областями теменной доли мозга, подавляя тем самым представление об образе собственного тела. Таким образом, для мистических переживаний нужна определенная перенастройка мозга, и даже «отключение» некоторых его зон. Однако из этого вовсе не следует, что мозг создает Бога, мозг естественным путем создает механизмы, которые делают возможным религиозный опыт. Нейробиолог Майкл Персингер из Лорентийского университета в канадской провинции Онтарио на протяжении нескольких лет разрабатывает технику стимуляции отдельных областей мозга с целью вызвать самые разные формы сюрреалистических ощущений у самых обыкновенных людей. Методом проб и ошибок ученому удалось установить, что слабое магнитное излучение (1 микротесла – примерно такое излучение дает монитор компьютера) при вращении по сложной траектории вокруг височных долей мозга может вызвать у человека ощущение потустороннего присутствия. Эксперимент показал, что подобные ощущения возникают у четырех из пяти испытуемых. Что именно видит обработанный подобным образом человек – зависит от его личных верований и предрасположенностей.

В разные времена в разных культурах состояние расширения сознания сознательно вызывалось различными методами: через сенсорную депривацию (изоляция физических органов чувств от внешних раздражителей, прежде всего света, звука), длительные воздержания от сна, либо радикальное изменение режима «сон-бодрствование», внешнее и внутреннее (нейрогуморальное) химическое воздействие (психоделики, дыхательные и сексуальные практики), воздействие через ритуальный танец, специфич-

ческие звуковые ритмы, частоты, вибрации (шаманский бубен, Hemi-Sync). Hemi-Sync (сокращение от hemispheric synchronization, «синхронизация работы полушарий мозга») представляет собой определенные звуковые сигналы, помогающие одновременно вызывать в обоих полушариях мозга идентичные волновые режимы. Когда ухо слышит определенный тип звукового сигнала, мозг обычно начинает откликаться на него сходными электрическими сигналами. Известно, что различные ритмы деятельности мозга указывают на разнообразные состояния сознания (например, бодрствование или сон); таким образом, соответствующие звуковые сигналы способны помочь человеку перейти в то или иное состояние сознания.

Итак, с помощью воздействия на мозг можно переделывать, обновлять, сужать и расширять сознание. В целом, функция нервной системы заключается в том, чтобы фокусировать, избирать и сужать. Все, что не связано, а тем более разрушительно для программ выживания воспринимается биологическими организмами как бесполезное и вредное. Любое несанкционированное воздействием (будь то философия, подрывающая основы бессознательной вовлеченности в процесс физического существования, или химические вещества, определенный спектр электромагнитных волн, религиозный мистицизм и т. д.) должно быть нейтрализовано любым способом. Любые средства изменения сознания (а, следовательно, выход за рамки санкционированной модели реальности) вызывают панический страх и желание любой ценой избавиться от угрозы принятому образу жизни. Все, что по тем или иным причинам переступает жестко установленные границы принятой «нормы», объявляется ересью и безумием. То, что позволено Голливуду, непозволительно реальному миру.

Довольно эвристично нейрологический подход выглядит в осмыслении религиозных ритуалов. Е.А. Торчинов дал следующее определение ритуала: «совокупность определенных актов, имеющих сакральный смысл и направленных или на воспроизведение того или иного глубинного переживания, или на его символическую репрезентацию» (5, с. 67). Далее он выделяет следующие типы ритуалов: психотехнический, непосредственно связанный с психологическим ядром религии. Цель данного комплекса ритуалов – достижение совершающим их человеком определенных трансперсональных состояний сознания. К ним относятся ритуалы тантрического буддизма и даосизма. Второй, мистериальный тип тоже объективно способствует переживанию тех или иных глубинных состояний, однако делается это без осознания психотехнического характера ритуала, а вместо этого адепты объясняют влияние такого типа ритуала воздействием на них сакральных сил – божественной благодати, милости богов и т. д. К нему можно отнести ближневосточные и эллинистические мистерии, христианские таинства, прежде всего такие, как крещение и евхаристия. Третий тип ритуала – обрядовый. Он наиболее отдален от психологического ядра

религии, так как не стимулирует глубинных переживаний и лишен психотехнического эффекта. Такой тип ритуала прежде всего относится к протестантским конфессиям.

Несмотря на всю эвристичность подобной классификации, следует отметить, что в действительности эти три типа ритуалов тяжело обнаружить «в чистом виде». Например, в протестантизме, не говоря уже о харизматических его направлениях, таких как пятидесятничество и квакерство, ритуалы порой имеют весьма сильный психологический эффект. Например, практика публичного покаяния и публичное крещение взрослых людей с полным погружением в баптистерию у евангельских христиан-баптистов может вызвать достаточно сильные переживания религиозного характера. По существу обряд крещения во взрослом состоянии призван вызвать переживания, сходные с ритуалом «смерти-воскресения» (крещение, по определению Апостола Павла – это «сораспятие с Христом»). И, несмотря на то, что воздействие на мозг в протестантской среде в большей степени представляет из себя психологическое воздействие (и в значительно меньшей – физиологическое, которое все-таки так-же присутствует; примером чему может служить причастие вином), сила такого воздействия на биохимические процессы головного мозга бывает даже очень существенной.

Очевидно, что любой ритуал может иметь разную интенсивность воздействия на сознание, но принципиальным моментом любого ритуала является трансформация определенного состояния, связанного с сакральной сферой, независимо от того, относится ли это изменение к эмоциональной, мировоззренческой или даже онтологической области. По существу большинство ритуалов представляют собой «обряд перехода» (независимо от того применяются психоактивные вещества или нет) и состоит из трех фаз – прелиминарной (отделение), лиминарной (промежуток) и постлиминарной (включение) (1, с. 15). Для этого на первом этапе человека, так или иначе, изолируют, отделяют от привычной обстановки, т. е. естественной среды действовавших до настоящего момента программ (человек становится послушником, стажером, новобранцем и т. п.). На второй стадии происходит отключение или стирание предыдущей программы поведения и восприятия (мощный стресс: сенсорная и социальная депривация, воздействие психоделиков, голод, акты насилия, унижение и т. д.). На заключительной стадии, когда мозг уже не может опереться на прежние программы, «неофит» программируется согласно его новому статусу (торжественное посвящение в «тайну», присвоение нового имени, запрет делиться воспоминаниями о «мирской» жизни, идеологическая обработка или какие-нибудь другие виды внушения). Такую схему можно обнаружить как в архаических обществах, так и в обществах современных, особенно в таких социальных рудиментарных образованиях как армейская и уголовная среда.

Чарльз Тарт предложил схему процесса трансформации сознания,

которая в сочетании с данными нейрофизиологии открывает универсальную модель функционирования «мозг-сознание». Мы можем зафиксировать некое базовое стабильное состояние сознания, или дискретное состояние сознания (ДСС). Это, как правило, обычное бодрствующее состояние, обусловленное действием ряда факторов: физические, культурные и прочие воздействия. Импульсы внешней и внутренней среды организма, т. е. афферентная (от лат. *afferens* – принимающий) сенсорная (от лат. *sensus* – чувство) система, действуют как формирующие данное состояние факторы. Дестабилизирующие силы, достаточные для трансформации прежнего ДСС, погружают сознание в хаос. В качестве таких дестабилизирующих факторов может выступать: 1. перегруженность раздражителями (напр., различные звуковые эффекты), которые вызывают охранительное (запредельное) торможение; торможение наступает тогда, когда раздражитель достигает чрезвычайной интенсивности, что приводит не к развитию условнорефлекторного ответа, а, наоборот, – к ослаблению или исчезновению его. 2. Напротив, полное отсутствие раздражителей (различные виды деприваций). Это приводит к прекращению входящего потока нервных импульсов, а, следовательно, и к дестабилизации прежнего состояния сознания. 3. Аномальные раздражители, т. е. новые раздражители, на которые не сформированы адекватные реакции.

Состояние хаоса сменяется новым, измененным состоянием сознания, или дискретным измененным состоянием сознания (ДИСС). Возникновение нового состояния обусловлено новыми формирующими факторами: например, созерцание мандалы, ритуальные песнопения с мифо-архетипическим содержанием и т. д. Новые формирующие факторы могут одновременно выступать и как дестабилизаторы прежнего ДСС. Если новые формирующие факторы ослабевают, то прежние силы, удерживавшие сознание в базовом состоянии, снова берут верх и, ввергнув сознание в новый хаос, затем возвращают его в прежнее состояние (ДСС). На этом принципе построен механизм засыпания, гипноза и медитации. Отметим также, что этот механизм используется в рекламе, политической пропаганде и религиозных проповедях. Первоначально человек находится в каком-то обычном состоянии. Но вдруг ему начинают внушать, что жизнь его в опасности («вот-вот рухнет мир», «жизнь обывателя – сплошной кошмар», «перхоть, запах пота или запах чеснока – делают человека изгоем общества», «нынешние власти нещадно эксплуатируют народ» и т. д.). Стабильное состояние сменяется замешательством и паникой. Но тут человеку предлагается «спасение» от того «катастрофического» положения, в котором он оказался. Вступают в силу новые формирующие факторы: преданное служение некому божееству, чудодейственная технология, новый шампунь, «наша» партия и т. д. Если эти факторы оказываются достаточно устойчивыми, сознание человека перестраивается и он начинает видеть мир по-другому.

Ритуал трансформации сознания и тела характерен не только для шаманизма и классической йоги. Осуществленный Иисусом Христом переход из смерти в жизнь открывает его ученикам мистериальный путь обретения нового, нетленного тела и сакрального бытия. Вот подлинная суть религиозного процесса смерти и возрождения (воскресения). Переход из одного типа существования в другой – это и есть «смерть-возрождение». Причем воскресение не есть лишь простое обновление старого. Это действительно обретение нового тела и нового бытия. Этот процесс имеет силу в обоих направлениях. Так, с грехопадением человечество умерло в тот же день, лишившись плоти эдемской и получив «одежды кожаные» и проклятую землю. Глаза, которые открылись у Адама и Евы, в данном контексте можно истолковать как новый взгляд на мир. И хотя этими же «глазами» обладает и Бог, все же человек не видит многого другого. Именно поэтому Бог не хочет, чтобы люди «закрепились» в этом состоянии, вкусив от «древа жизни».

Через инициацию происходит кардинальная перестройка всего бытия неофита – духовная, телесная и ментальная («метанойя»). Вместе с радикальной перестройкой тела и ума возникает и новый сакральный мир. Рождение свыше, вхождение в священный коллектив, в число избранных, святых – вот результат смерти для профанного мира. Прижизненная инициация – необходимое звено в трансцендировании в Сакральное, в переходе от «ветхой твари» к «новой». При этом меняется не только психологический статус посвящаемого, но и онтологический. Новое бытие подразумевает то, что рамки прежних воспринимающих способностей и прежняя категориальная «сетка» разрушаются, уступая место трансцендентному восприятию и уму. Радикально меняется и тело. Вместо посюстороннего тела в результате ряда трансформаций появляется «мистическое тело».

Человеку, «схваченному» пространством-временем, будничная реальность порой становится невыносимой. Тогда он начинает искать выход. Квинтэссенция таких явлений культуры и контркультуры как романтизм, декадентствующий символизм, экзистенциализм, рок-музыка, движение «детей цветов» 1960-х – неудовлетворенность человеческим бытием, боль и страдание мира живых существ. Визионерские опыты альтернативных реальностей, психопрактики Востока, буддизм, индуизм, неоплатонизм, манихейство, психоделические эксперименты, трансперсональная психология и т. д. – все это разные (а порой не такие уж и разные) ответы на крик о помощи, на жажду Сакрального, на ностальгию по вечной Родине, тоску по Золотому Веку. Человек стремится не столько к вечности, к сохранению и преумножению того существования, что он имеет сейчас, сколько жаждет вырваться из такой вечности, из этой свидригайловской бани, закоптелой и с пауками по всем углам. И несущественно как называют эту баню – сансарой, миром под властью «князя мира сего», плодом пленения света мраком

или «тошнотой», Dasein – принципиально здесь то, что человеку тесно в этом мире, в этой неправде и неполноценности, то есть в мире отсутствия целостности, холистичности.

Как понятно из сказанного выше, любые психопрактики по существу практики психосоматические. Взаимодействие «души-тела» – инструмент трансформации сознания. И поскольку главной составляющей человеческого тела является головной мозг, то оказывается, что центральная нервная система является неотъемлемым участником любой техники изменения сознания. Мистики разных времен, независимо от того, как они относились к своему физическому телу (предпочитая аскезу и отречение от тела или занимаясь осознанным преображением тела в йогических и алхимических трансформациях), работали над перенастройкой своей нервной системы. Парадокс заключался в том, что кажущееся пренебрежение телом, «угашение плоти» превращалось в мощное воздействие на мозг и его программирование (пост, ночные бдения, вериги и т. д.), а мозг, как это уже отмечалось ранее, – главная составляющая тела и нервная система в целом тоже сома. Вместе с тем внимание к телу в других случаях (йога Патанджали, тибетская и даосская йога и т. д.) также было и отречением от посюстороннего тела.

Проще говоря, во всех случаях целью было такое воздействие на ЦНС, которое отключало мирские биовыживательные программы, и позволяло получить религиозный, т. е. трансцендентный опыт. Часто случалось так, что получив такой опыт, люди переосмыслили свое физическое существование и изменяли к нему отношение. Они озарялись, что мир не так уж плох (и более того, он прекрасен), если посмотреть на него с другой стороны, из другого измерения, в другом состоянии сознания. Ведь нирвана и сансара лежит в одних границах, а лучше сказать – в одном безграничном. Архаические народы, имевшие эффективные инструменты для осознанного воздействия на мозг, обладая техникой направленных измененных состояний сознания, переживали необыкновенную и невыразимую радость и благоговение перед прекрасными трансцендентными мирами, открывающимися им. Архаические техники экстаза, позволяющие выйти за пределы повседневного «Я», подняться над скукой и давящей пустотой профанной реальности, органически влились в такие религии как, например, буддизм и христианство.

Однако любая религия со временем склонна вступать в союз с биовыживательным истеблишментом, что в итоге приводит к их омертвлению и формализации. Явление неоархаики в XX веке – это своеобразный выход за пределы ригидных, омертвелых схем. Научно-техническая революция не охладила интереса к мистицизму. Об это свидетельствуют как массовые паломничества в Индию, Непал, Китай, Мексику и Африку, так и большой спрос на тибетскую медицину, акупунктуру, знахарство и т. д. Полевые ис-

следования антропологов древних культур Юго-Восточной Азии, Африки и Центральной Америки, их ритуалов, космогонических концепций, целевых практик и взаимоотношений с природой изменили общепринятые представления о древности. Так называемые «примитивные общества» не являются ни первобытными, ни «детскими». Конечно, в некотором смысле мы можем назвать религиозные переживания архаики «детскими». В данном смысле уместны слова Иисуса Христа: «истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф., 18:3).

И когда в результате специфических воздействий на ЦНС по-новому открываются глаза человека, мир земной жизни, в котором хищнический стиль выживания – основа существования, вдруг трансформируется в царственный танец, космическую игру Абсолютной реальности. В других случаях человек может интерпретировать свой мистический опыт как встречу и единение с Богом, причем независимо от того, как он истолкует свои переживания. В любом случае, главное – это трансцендирование в Сакральное. После получения такого личного опыта, человек зачастую начинает вести более этичную и экологичную, более осмысленную и яркую жизнь.

Таким образом, мозг играет весьма существенную роль в религиозном опыте. Мозг – это средство для обеспечения выживания в мире земной жизни. Мозг фильтрует поток восприятий и производит настройку сознания на специфическую реальность. Но если мозг подвергается специфическому воздействию, это вызывает ощущение расширения сознания, выхода за границы обычной реальности, а также приводит к пониманию неизреченности своего опыта, т. е. к осознанию невозможности адекватного выражения религиозного опыта на чувственно-рациональном уровне. Конечно, вполне можно согласиться с точкой зрения, что глубокий мистический опыт, откровения, любые религиозные чувства – лишь эпифеномен возбужденного в специфических зонах мозга. Однако, с другой точки зрения, эффекты воздействия на мозг могут свидетельствовать и о том, что химическое и электромагнитное воздействие выводит мозг из привычного режима, что, собственно, и позволяет сознанию обрести некоторую свободу в отношении физической реальности и собственной объективации в ней.

Примечания

1. Арнольд Ван Геннеп. Обряды перехода. – М., 1999.
2. Друри Н. Трансперсональная психология. – Львов, 2001.
3. Лилли Д. Программирование и метапрограммирование человеческого биокомпьютера. – Киев, 1994.
4. Лилли Джон. Центр циклона. Рам Дасс. Зерно на мельницу. – К., 1993.
5. Торчинов Е. А. Религии мира: Опыт запредельного. – СПб., 1998.